

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ СЕДЬМОЙ

НАТ ПИНКЕРТОН
И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Из книги
«О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ»

Из книги
«КНИГА О СОВРЕМЕННЫХ
ПИСАТЕЛЯХ»

Из книги
«ЛИЦА И МАСКИ»

Из книги
«О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ»

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-88

Чуковский, К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7: Литературная критика. 1908–1915 / Предисл. и коммент. Е. Ивановой. — М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2017. — 736 с. : ил.

ISBN 978-5-521-74853-2 (т. 7)
ISBN 978-5-4467-0026-4

В седьмой том Собрания сочинений вошли до-революционные книги и критические сборники Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература», «О Леониде Андрееве», «Книга о современных писателях», «Лица и маски», а также многочисленные «несобранные статьи», затерянные в малоизвестных газетах и журналах.

Значительная часть этих статей после революции не переиздавалась.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
BIC FC
BISAC FIC004000

© T8RUGRAM, 2017
© Агентство ФТМ, Лтд., 2017
© К. Чуковский, наследники, 2017
© Е. Чуковская, составление, 2017
© Е. Иванова, составление,
комментарии, 2017

ISBN 978-5-521-74853-2 (т. 7)
ISBN 978-5-4467-0026-4

1908 год стал переломным в судьбе Чуковского: в этом году вышли сразу три сборника его статей — «От Чехова до наших дней» (в течение года книга выдержала три издания), «Леонид Андреев большой и маленький» и «Нат Пинкертон и современная литература» (переиздана спустя год). Незадолго до этого началось его постоянное сотрудничество во влиятельной кадетской газете «Речь», и в итоге не только был завершен прорыв из провинциальной журналистики в столичную, но пришла настоящая известность.

Первый фельетон «Геометрический роман», посвященный роману Арцыбашева «Санин», был опубликован в «Речи» 27 мая 1907 года¹ и уже содержал все черты «фирменного» стиля Чуковского-критика. Об этом романе, казавшемся невероятно смелым вторжением в пресловутую «проблему пола», не писал тогда только ленивый. Но большинство критиков с излишней доверчивостью отнеслись к новому арцыбашевскому герою, с непривычной для русской литературы дерзостью «нарушавшего все законы, преступавшего все черты». Возмущенные его проповедями, они пробовали урезонить поклонников этого сверхчеловека и его создателя ссылками на мораль и долг гражданина. Чуковский увидел в этом пробном экземпляре, который тогда еще не успели запустить на поточную линию, нечто иное: вселенскую скуку и трезвый расчет. И потому он не спорил с Арцыбашевым, а просто указывал на пружины, приводящие в действие нехитрый механизм рыночного успеха, и делал это, опираясь на текст романа, направляя создание против его создателя.

Среди критиков он первый обратил внимание, что романы о знойных страстях пишут добродетельные и измученные семейной жизнью журналисты, которым из всех талантов Бог дал один — угадывать, что пользуется спросом читатели сегодня, ка-

¹ В настоящем издании опубликован под названием «М. Арцыбашев» в составе книги «От Чехова до наших дней» (Т. 6. С. 96–104).

кая нужна наживка для большого улова. Видел Чуковский и то, что работают эти труженики пера не покладая рук, порой не успевая перечитать написанное. Можно сказать, что в его лице нарождающаяся отечественная порнография нажила наиболее проницательного и опасного врага, и ряд последующих его статей — «Половая гастрономия», «Идейная порнография» — грозили лишить производителей ходкого товара куска хлеба. Конечно, окончательно уничтожить эту и по сей день процветающую отрасль было не по силам никому, но Чуковский сумел существенно ограничить уровень притязаний этих «каинов» и «манфредов», указав им место в литературном лабазе.

Производители пробовали защищаться, но Чуковский был опытным бойцом, и, как в случае с переводами Бальмонта, когда не помогло даже заступничество Блока (кстати, пытавшегося добиться снисхождения и для Арцыбашева), выходил победителем, умея не только атаковать, но и выигрывать сражения. Примером такой победы может служить блиц-турнир с писателем Анатолием Каменским, который пробовал заступиться за товарища по цеху М. Арцыбашева. Перепалка возникла вокруг цитаты из «Санина», с которой начиналась статья Чуковского: «Хотя [Юрий Сви-рожич] видел, что уже не может и не хочет, а все-таки лез на нее». По поводу этой цитаты Каменский в одном из интервью опрометчиво заявил: «...Наши молодые современные писатели, пишущие о литературе, любят ее и ее художников, но любят странной, горячечной любовью. В этой любви они доходят до извращения, до садизма. И как любовник в безумии любви терзает, унижает, предает любовницу, так иногда, примерно, скажем, Чуковский, любящий Арцыбашева (да, да, любящий, ибо иначе он просто бы не писал о нем), предает его, передергивает цитатами и в смелом иступлении своем доводит до выдумки, до клеветы»¹. Каменский утверждал, что эту фразу Чуковский придумал сам.

В ответном письме в редакцию Чуковский просто указал номер страницы, где находились «буква в букву те именно слова, которые взяты мною в кавычки в моей книге „От Чехова до наших дней“ и в изобретении которых он меня обвиняет. Я уверен, что сознав свою ошибку, г. Каменский не замедлит публично извиниться предо мной»². Каменский не только принес извинения, но добавил с некоторым смущением, что цитату они искали вместе с Арцыбашевым. Вот этому рыночному производству и пытался противостоять Чуковский, развивая темы своей статьи о «Нате Пинкертоне», и открывая в ней все новые и новые ракурсы.

¹ Сб.: О критиках и критике. СПб., 1909. С. 10.

² Речь. 1909. 16 (29) апр.

Начиная с 1910-х годов массовая культура становится основным объектом его внимания, черты и свойства этой культуры он обнаруживает не только во второсортных детективах, рассчитанных на «культурного дикаря», созданных безымянными тружениками. Ее приметы он обнаружил и в книгах, которые поставлялись на книжный рынок в расчете на потребителя с радикальными политическими устремлениями, вроде издававшихся гигантскими по тем временам тиражами горьковских сборников «Знание» или «идейных» романов Анастасии Вербицкой, которые на первых порах весьма поддерживала сумеречная марксистская критика. В поле зрения Чуковского оказываются самые различные жанры маскульта: рекламные (афиши), развлекательные (детективы), идейные (упоминавшиеся сборники «Знания»), доходные (порнографические романы). Чуковский один из первых в XX веке задумался над механизмами массовой культуры самого разного уровня и претензий. Обладая способностью на лету подхватить модные поветрия и наладить их поточное производство, фабрикуя все то, на что возникал спрос, эта культура с разной степенью добросовестности выполняла социальный заказ, и потому Чуковского интересовал не только писатель, но и читатель. Многие свойства маскульта были впервые осмыслены Чуковским, ставшим, по точному слову Е. Тарле, Ипполитом Тэном этого явления.

Именно в этой области он нашел ту собственную «длинную фанатическую мысль», которой так не хватало ему в статьях о писателях-современниках¹. И поле деятельности он нашел для себя поистине необозримое: массовая культура в начале XX века не только возникла, но и успешно развивалась, эксплуатируя некоторые устойчивые свойства человеческой природы. Она обещала исцелить от всех болезней и избавить от всех бед в области рекламы, удивляла, ошарашивала и увлекала с помощью афиш, даже воспитывала патриотические чувства с помощью детективных сюжетов и пробуждала «чувства добрые», исторгая слезу в кинематографе. Механизмам этой новой, рационально фабрикуемой культуры, и посвящен целый ряд статей Чуковского 1910-х годов.

При этом героями его статей по-прежнему оставались Леонид Андреев, Максим Горький, продолжал писать он о новых произведениях Александра Куприна. Но этих писателей, начинавших было бронзоветь и метивших в классики, статьи Чуковского вводили не в компанию Пушкина, Толстого, Достоевского и Чехова, а ставили в один ряд с безымянными создателями Ната Пинкертон, Анастасией Вербицкой, Лидией Чарской. Показательна в этом от-

¹ См. возражения А. Блока на статью К. Чуковского «О мозаике» в примечаниях к ней в т. 6 наст. издания.

ношении книга Чуковского «О Леониде Андрееве», в предисловии к которой он лукаво заверял читателей: «Я здесь искренне восхищаюсь Андреевым, а тон у меня такой, как будто я обличаю».

Но едва ли следует верить этим уверениям, уже одно уподобление творений Андреева афише было достаточно убийственным. Но чего стоит другое наблюдение: «...чуть не все его последние вещи, начиная с „Жизни человека“, откровенно написаны на заборе; они целиком вскормлены, взращены современной нашей газетно-бульварно-кинематографично-афишно-фельетонно-площадной культурой...» (с. 68). Это длинное определение: «газетно-бульварно-кинематографично-афишно-фельетонно-площадная» и передает суть того явления, которое становится постоянным объектом внимания Чуковского 1910-х годов.

Для изучения этой культуры он нашел адекватный жанр газетного литературного фельетона, и даже сумел определить его основополагающие черты: «Здесь новые задачи искусства, здесь новая эстетика, — и, право, эта эстетика не хуже всякой другой. И не нам, газетчикам, отворачиваться от нее. Нравится нам это или нет, мы такие же данники уличной, площадной эстетики, как и те, кто создают афиши. Пора уже вписать в теорию словесности новый литературный род — фельетон, и когда я стою перед афишей, я чувствую: она мне сродни. Фельетон, как и афиша, не смеет быть вялым, не смеет шептать и интимничать, в нем напряжен каждый нерв, он весь — электричество, потому что и он пред толпой — мимолетный трибун миллионов, рожденный на уличном сквозняке. Мы — баяны трамваев, миннезингеры ресторанов и кафе» (с. 66). В этой самооаттестации наилучшим образом охарактеризовано амплуа, которое избрал для себя Чуковский-критик. Не случайно заглавие для сборника его наиболее зрелой книги статей «Лица и маски» было подсказано собственной статьей о Леониде Андрееве: «Лица, похожие на маски, с непомерно увеличенными или уменьшенными частями... нет меры, все неустойчиво, все перекошено, искажено, все краски и линии, как будто бы с цепи сорвались, как будто все вещи, все люди, все явления и все дела вдруг взбеленились, заплясали канкан и пошли корчить страшные дьявольские рожи» (наст. том. с. 79).

Однако признание родства между газетным фельетоном и изданиями массовой культуры не должно вводить в заблуждение: Чуковский имел в виду условия, в которых происходила его встреча с читателем. Хлесткий и бойкий фельетон, а не те философские трактаты, с которых начинал он свою деятельность в «Одесских новостях», был единственным и неизбежным жанром критики на страницах газеты. Но по существу избранный им жанр противостоял массовой культуре, поскольку в статьях Чуковского отсутст-

вовал ожидаемый заказчиком результат, так сказать, запланированная радость. Как критик он никогда не примыкал ни к рекламе патентованных средств по спасению человечества, каковым была массовая продукция «подмаксимников» и сборников «Знание», ни к «половой гастрономии» последователей Арцыбашева, ни к Пинкертону даже в его «интеллигентной» ипостаси, ни к ремизовско-сологубовским «ужасикам», приятно щекотавшим нервы. Фельетоны Чуковского никогда и никого не обслуживали. Так что, работая в сродном жанре, он никого и никуда не зазывал, а использовал его преимущества для разоблачения дешевки (слово было первым вариантом заглавия статьи о Джеке Лондоне), умело преследуя ее в самых разнообразных облициях.

Для внимательного читателя пафос статей Чуковского после 1907 года существенно не менялся, уже в ранних статьях об Осипе Дымове и Владе Дорошевиче он писал по существу о том же, о литературе, в которой глубина и серьезность подменяется имитацией, а отсутствие таланта компенсируется изобретательностью, о литературе, отмеченной товарным знаком «остерегайтесь подделок!». Но теперь в фокусе критики Чуковского находился не только массовый писатель, но и массовый читатель, тот самый «культурный дикарь», который заглатывает Ната Пинкертона и смеется, глядя на бегущих за женихом тещ.

Кстати, как показали разыскания архивиста Госфильмофонда Валерия Босенко (они приводятся в комментариях), фильм «Бега тещ», о котором писал Чуковский в книге «Нат Пинкертон», стал своего рода классикой кинематографа, ступенью, открывающей новые технические возможности «великого немого». Но судить кинематограф по законам «им самим над собой признаваемым» не входило в намерения Чуковского, поскольку как критик он исходил из убеждения, что всякая творческая деятельность человека, а стало быть, и зрелища, должны иметь смысл, который его и заботил.

Еще одно проявление массового сознания Чуковский пытался объяснить в статье «Мы и они» на примере деятельности «темного просветителя» фон Битнера (подробнее см. в комментариях к статье). Просвещение, популяризация знаний во времена Чуковского были возведены в ранг доблести и подвига. Но за этим вырисовывалась еще одна проблема, прекрасно сформулированная в заглавии толстовской пьесы — «плодов просвещения». Сам Чуковский прошел через «битнеровские университеты», в одном из ранних одесских фельетонов были вполне сочувственные ссылки на битнеровские издания. Но именно поэтому он умел отличить знание, способное утолить духовный голод, от бессмысленного накопления сведений из самых разных областей науки,

отравляющих сознание. Знание способное породить только разочарованных чеховских телеграфистов. «Темное просветительство» Битнера уводило своих читателей на этот второй путь.

Современники часто упрекали Чуковского в пристрастии к модным темам, о которых все говорят. Но нельзя не отметить, что по-настоящему модными многие темы становились благодаря его статьям, выдвигаясь в центр литературных споров. Например, имя Ната Пинкертоне к моменту написания фельетона Чуковского было у всех на устах, успело стать нарицательным, но темой размышлений стало только благодаря ему. Так же было и со статьей о Лидии Чарской.

Небывалый читательский успех ее книг озадачивал критиков, писавших о детской литературе, и Чуковский был отнюдь не первый, кто задумался о причинах этого успеха. Еще до появления его статьи о романах Чарской было сказано многое из того, о чем предстояло написать Чуковскому. В качестве примера можно привести статью З. Масловской «Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской», где говорилось, что писательница «...поет пошлые мелодии жизни, дает мишуру, побрякушки ложно понятого героизма, заставляет детей любить их — и заводит их в то болото пошлости, из которого нет возврата...»¹

В статье В. Фриденберга «За что дети любят и обожают Чарскую?» успех ее произведений сравнивался с успехом романов о Нате Пинкертоне. Здесь же говорилось и о свойствах женской психологии, которые эксплуатировала Чарская. Но статья В. Фриденберга, написанная «с чувством, с толком, с расстановкой», говорила обо всем этом таким суконным языком, что вряд ли кто-нибудь, кроме педагогов, способен продраться через ее содержание².

Наконец, еще до Чуковского предпринимались и попытки высмеять эти романы. В том же журнале «Новости детской литературы», где появилась статья В. Фриденберга, помещены издательские рецензии-аннотации на новые книги Чарской: «Писательница она, к несчастью, очень плодovitая и строго следит за спросом... Не беда, если это неправдоподобно и грубо сделано — было бы интересно и дух захватывало бы»³.

Позднее, в рецензии на повесть из жизни актерской среды «Цель достигнута» читаем: «Поклонники Чарской, в доказательство достоинств ее произведений, прежде всего и приводят то увле-

¹ Масловская З. Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской // Русская школа. 1911. № 9. С. 125.

² Фриденберг В. За что дети любят и обожают Чарскую? // Новости детской литературы. 1911–1912. № 6.

³ Там же. С. 15.